

**КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ» В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ ВРАГА И СОЮЗНИКА)**

Аннотация. Использование категории «образ» в историко-психологическом исследовании происходит довольно часто. Анализ формирующихся образов напрямую связан с проблемой восприятия окружающего мира индивидом или социальной группой (стратой, классом). Изучение образов в сфере внешней политики сопряжено с особенностями национальной культуры субъекта восприятия (народа, нации) и кругом источников, который ему доступен. Наиболее популярным вариантом отношения двух культур друг к другу выступает дихотомия «свой» - «чужой», формирующаяся на основании внешних атрибутов (этнических различий) и опыта взаимоотношений субъекта и объекта в историческом контексте. Таким образом, речь идет о формировании образов врага и союзника как основных категорий во внешнеполитических отношениях. Целью данной статьи является анализ использования категорий «образ врага» и «образ союзника» применительно к видению мира советским обществом в годы Великой Отечественной войны. В работе осуществляется анализ терминов: включая самостоятельное определение дефиниции «образ союзника», рассматривается историко-культурный аспект взаимоотношений России со странами Запада. Учитывая непростой характер общения русских, равно как и советских граждан, с европейцами в прошлые периоды, а также высокую степень политизации в восприятии «империалистических» держав, автор приходит к выводу, что отношение к союзникам по антигитлеровской коалиции в советском обществе было неоднозначным. С одной стороны, необходимость получения помощи и тяжелая ситуация на фронте сближала граждан СССР с зарубежными «друзьями», а с другой – преимущественно негативный опыт взаимодействия в прошлом и постоянная смена правительственных установок в отношении новых партнеров не позволяет говорить об англичанах и американцах как о полноценных друзьях.

Ключевые слова: образ, историко-психологическое исследование, национальная культура, восприятие, «свой» – «чужой».

С точки зрения философии, ключевое понятие «образ» может быть охарактеризовано как «результат отражения (или реконструкции) объекта в сознании человека» [14, с. 446]. Выделение в образе таких его элементов, как субъект (отдельно взятый человек или группа людей) и объект (может быть представлен целым окружающим миром или его отдельными предметами и явлениями), является ключевым, поскольку сформированный образ внешнего мира или его части выступает конечным результатом процесса познания субъекта [12, с. 920].

Процесс познания состоит из следующих элементов: субъект, объект, условия, в которых осуществляется познавательная деятельность, ее содержание. Познание в нашем случае равнозначно восприятию, так как чувственный уровень осознания информации предшествует рациональному. В качестве субъекта могут выступать государства, целые народы (население страны), отдельные социальные группы и индивиды. Объект может быть представлен теми же структурными единицами – государствами, этносами, социальными группами, отдельными личностями, а также историко-культурными процессами, в которых они существуют и функционируют. Соответственно, все объекты имеют внешнюю природу по отношению к субъектам. В нашем случае акцент ставится на объектах, которые принадлежат сфере внешней политики.

Условия восприятия, с одной стороны, определяются диапазоном тех источников, что может использовать субъект при знакомстве с объектом, а с другой – степенью их достоверности. Обычно каналами информации выступают официальные документы (в том числе,

пропагандистского характера), все виды СМИ, произведения культуры и искусства, личные контакты либо воспоминания о них, запечатленные в письменной форме [10, с. 100]. Немаловажную роль в случае, когда речь идет о больших группах людей, играют слухи, сплетни, домыслы и другая передающаяся устным путем неполная, вырванная из контекста неофициальная информация. Разумеется, человеку не всегда представляется возможность пользоваться всем кругом источников, и он останавливается на наиболее доступных. Как правило, такие источники нередко оказываются наименее достоверными либо подверженными давлению - действуют согласно специальной установке в отношении объекта.

Содержательный анализ восприятия включает основное положение: окружающий мир амбивалентен, то есть способен вызвать у человека различные реакции в зависимости от разного рода обстоятельств. Другим важным постулатом является разделение внешнего мира на «свой» – «чужой» (как вариант может использоваться дихотомия «Я» – «Другой»).

Следует отметить, что при формировании образа другого народа немаловажную роль играет внешний вид и национальный характер чужаков, понимаемый как «совокупность определенных поведенческих свойств». Преимущественно, восприятие строится по принципу «от противного» – идет сопоставление с собственными обликом и чертами характера. Если незнакомый объект не проходит первичный отбор по своей внешности, то сразу переносится в разряд «чужих». Так, для русских в таком качестве всегда выступают китайцы, корейцы, японцы и другие народы, отличающиеся по внешним характеристикам (оцениваемые как «некрасивые») [6, с. 105-106].

При анализе менталитета других народов в качестве отправной точки выступают черты, свойственные данной этнической группе. У «других» же будут выделяться присущие «своим» положительные характеристики или те, в которых оценивающий субъект испытывается острый недостаток. Для русского народа сильными качествами считаются: доброта, отзывчивость, дружелюбие, бескорытность, умение веселиться, сила и мужество, а «недостающими» – деловая активность, трудолюбие, аккуратность, серьезность, воспитанность. Национальные группы, обладающие данным набором качеств, могут быть причислены к «своим», в то время как скрытые, завистливые, скупые, алчные, агрессивные, лицемерные, властные, хитрые, подлые, безусловно, относятся к разряду «чужих» [6, с. 108].

Дифференциация по признаку «свои» – «чужие» между этническими группами не исчерпывается только внешними атрибутами; ее обязательной составляющей является культурно-исторический компонент. Его можно подразделить на две части:

1. Особенности формирования национальной культуры и цивилизации, критерием образования которой могут служить религия, географические и геополитические условия, наличие харизматических лидеров и т. д. Болгарский исследователь национальных менталитетов Г. Гачев пришел к выводу о том, что «цивилизацией современные народы сближены, культурами различены, и в этом, с одной стороны, – возможность взаимопонимания, а с другой – красота разнообразия» [2, с. 14].

2. Исторический опыт взаимоотношений народа-субъекта и народа-объекта восприятия. Значение имеет степень близости двух этносов в прошлом, причем соседство подразумевает не только лучшую осведомленность об объекте, но и вероятные негативные представления, связанные с конфликтами былых времен. Чем более удален народ, тем хуже он может быть известен. Отношения с такими народами преимущественно велись на торговом уровне, поэтому отрицательный оттенок в их восприятии обычно отсутствует [11, с. 117].

Выбранная нами тематика напрямую связана со сферой международных отношений. Использование категории «образ» для анализа внешнеполитических взаимодействий стало возможным после его применения К. Боулингом в 1959 г. для объяснения причин враждебности между государствами. При этом образ «другого» рассматривался исключительно как образ врага. Впоследствии такая трактовка дефиниции был признана только одной из возможных [4, с. 51].

Видный специалист, изучающий оппозицию «Я» – «Другой» в контексте международ-

ных отношений, М. Дж. Шапиро в 1988 г. отметил, что международная политика сама занимается созданием «другого». Любые отношения между двумя государствами должны рассматриваться в их исторической практике, также как отношения между человеческими индивидами. При этом Шапиро рассматривает военный конфликт не только как неотъемлемую часть международной политики, но и как основной аспект бытия, в котором и агрессор, и жертва идентифицируются друг с другом подобно тому, как происходит идентификация людей, причиняющих друг другу насилие (через боль) [7, с. 52–53]. Этот западный подход получил оформление в концепции Д. Блэни, который использовал метафору о самосознании государства: каждая держава через представляющих ее на международной арене политических лидеров приобретает определенную «Я–концепцию» – «зависимое государство», «жертва агрессии», «супердержава». В «Я–концепции» отражается не только психология лидеров и накопленный ими в процессе познания багаж представлений о внешнем мире, но и «переработанный опыт поколений (разделяемые знания), усвоенный национальной элитой в процессе социализации и обеспечивающий преемственность в политическом процессе» [4, с. 52].

Связь «Я» (обязательно коллективного) с определяющими сущность государства или нации идеями изучалась так называемой Копенгагенской школой, в частности ее главным представителем О. Вэвером. Когда начинается взаимодействие на международной арене, то определяющие идеи выносятся в новую среду и пытаются там реконструироваться, а поскольку у ряда государств они принципиально различны, то возникают политические и военные конфликты, где державы организуются в союзы согласно «совпадению» своих определяющих идей [7, с. 61–62].

Очевидно, что перечисленные выше вариации образов, с одной стороны, обозначают роль государства на международной арене вообще и в конфликтных ситуациях в частности, с другой – обнаруживают свою связь с массовым (в лице населения страны) и индивидуальным сознанием (в лице государственных лидеров), а также влияние, которое имеют друг на друга обе стороны. Динамика образов не является сиюминутным процессом: получаемая любым субъектом информация из внешнего мира либо вписывается в его представления об этом мире, либо вступает с ними в конфликт. При этом ни один вид информации не воспринимается безусловно – конфликтующая не всегда игнорируется, а подтверждающая не всегда плавно укладывается в существующую схему [4, с. 53]. В то же время образы обладают свойством инерции, которое тормозит восприятие изменений, но слишком быстрое изменение, показывающее несостоятельность прежних представлений способно нивелировать эту инерцию. Классическим примером подобной ситуации служит начало Второй мировой и Великой Отечественной войны, когда немцы, преподносимые в 1939–1941 гг. как союзники, в одночасье превратились в злейших врагов как для советских людей, так и для западных обществ.

Изменение внешних образов возможно под влиянием неопровержимой информации, которая в корне противоречит существующим представлениям. Война является примером такой экстремальной ситуации, когда идет своего рода «ломка» представлений о той части внешнего мира, с которой соприкасается субъект восприятия. При этом важно отметить, что трансформируется не только образ государства, с которым происходит непосредственное столкновение, но и образы других участников конфликта в зависимости от ситуации. Практически в одночасье бывший противник может оказаться союзником, а потенциальный партнер – примкнуть к враждебному лагерю. Но столь резкий переход не может произойти в общественном сознании сам по себе: ему способствуют многочисленные факторы в виде деятельности пропагандистского аппарата, СМИ, общей и государственной установки и т.д. [11, с. 120].

Отсюда следует разграничить образы по двум основным категориям, имеющим разные названия. Е. Сенявская определяет глобальный и бытовой виды образов, причем под первым понимается стойкое, закрепленное у нескольких поколений представление об «ином» (в

данном случае – о враге), сформированное под воздействием пропаганды, а под вторым – мобильные, изменчивые впечатления, возникающих при непосредственных контактах «своих» с лицами из противоположного лагеря [9, с. 78]. А. Голубев выделяет реальный и насаждаемый варианты образов, разделяя их по типу сознания, господствующего в разных сферах. Для специализированных сфер сознания характерен рационалистический подход, ориентирующийся на законы логики, проверку фактов путем доказательства и систему выводов. Обыденное сознание, по мнению историка, конструирует свой мир, который развивается по законам, связанным с наглядно-чувственными ассоциациями [3, с. 84].

При любых вариациях образов ключевой характеристикой в восприятии внешнего мира, на наш взгляд, выступает возможность получить информацию о происходящих за рубежом событиях. Доступ к этой информации ограничен такими условиями как принадлежность к политической или другой элите государства, уровень образованности, знание иностранных языков, место проживания, возможности получения сведений о внешнем мире, диапазон получаемых сведений.

Несомненное влияние на формирование образов внешнего мира имеет тип и характер государственной власти. СССР конца 1930-х – начала 1940-х гг. традиционно заносится в когорту тоталитарных государств с жесткой иерархической структурой общества во главе с ВКП (б) и «вождем народов» И. В. Сталиным. Для тоталитарного государства характерно активное вовлечение в политику всех жителей, но в рамках дозволенного, которое преподносится руководством как непреложная истина.

Советская власть стремилась к монополии на информацию, в том числе – о внешнем мире. Чтобы легче управлять народом и манипулировать общественным сознанием, правительство СССР намеренно искажало или затрудняло доступ к сведениям об окружающей действительности. Так обеспечивалось «правильное» идеологическое воздействие на широкие слои населения [5, с. 155]. Соответственно, дихотомическое противостояние «мы – они» в обществе тоталитарного типа получало довольно простое разрешение: группа, объединенная местоимением «мы», осознавалась не только при отождествлении с «другими» группами и обществами, но и на основе собственной уникальности, исключительности. Все, кто составлял категорию «они», сразу оказывался во вражеском лагере, и их образ подавался как образ противника [13, с. 47].

В 1930-х гг. советская внешнеполитическая доктрина ставила на первое место опасность, исходящую для СССР от враждебного капиталистического окружения, которое было едино именно в своей антисоветской направленности. Данная концепция явно преувеличивала роль Советского Союза в международных отношениях, которая оценивалась западными странами как скорее негативно-неизвестная, чем как устойчиво-враждебная. То же в конце 1930-х гг. можно сказать о потенциальном союзе с СССР демократических государств, возникшем перед лицом фашистской опасности [3, с. 97–98].

Однако начало Великой Отечественной войны изменило не только всю международную ситуацию, но и подход к ней со стороны советского правительства. Государство нуждалось в союзниках, а помощь не могла прийти из других стран, кроме бичуемых в прошлом «оплотов капитализма» – США и Великобритании. Бывшие потенциальные враги превращались пока тоже лишь в потенциальных союзников.

С точки зрения исторической психологии, враг (неприятель) – это носитель чужого сознания, проповедующий агрессивную политику против «своих». Такое противопоставление («свой» – «чужой») вызывает негативную реакцию, эффект которой возрастает в *n*-ой степени пропорционально характеру агрессии. Соответственно, сам образ врага «строится под антипод собственно громко декларируемым ценностям и идеалам» [1, с. 26].

Сторонники мифотворчества и манипуляций с массовым сознанием подчеркивают недостоверность образа врага и искусственный характер его создания в угоду разного рода политическим силам: «Образа врага имеет визуальный характер; ему приписываются черты зверей или физические уродства. Этот мифический образ призван заместить собой в коллек-

тивном сознании реальный образ представителя другой страны или другой национальности. Он прост для восприятия, легко опознается или запоминается <...>. От него постоянно исходит потенциальная опасность» [13, с. 47]. Ангажированность такого образа подтверждается и силами, его воспроизводящими: «Образ врага – это социально-политический миф, который зиждется на эгоистическом интересе и имеет в своей основе стремление отдельных политических групп к расширению влияния, сохранению или захвату власти» [Цит. по: 11, с. 125].

Вместе с утверждениями о несостоятельности образа врага в силу его искусственного характера существует более взвешенная концепция, которая исходит из реалистичности данного образа и его изменчивости в силу социокультурных и конкретных условий. Так, например, отношения русской (советской, российской) цивилизации и цивилизации Запада имеют богатую и разностороннюю историю. В период средневековья постоянный антагонизм двух культур нагнетался религиозными противоречиями: православная Русь чаще склонялась к неравноправному союзу с толерантными в вопросах веры кочевыми народами (в том числе с монголо-татарами), а католический Запад перманентно расширял границы своего влияния на восток и угрожал русским землям не только с помощью мечей, но и обращая жителей покоренных территорий в свою конфессию, распространяя нормы и идеалы западной культуры на новые земли. Чтобы избежать такой сомнительной перспективы, была реализована концепция союза с Ордой, отказа от Флорентийской унии и складывания нового государства (Московской Руси) вокруг находящейся в удобном месте Москвы. Таким образом, «противостояние Западу как органический момент входило в эту стратегию исторического развития» [8, с. 14].

В дальнейшем связи России и Европы восстановились, и нередко какая-то из западных стран становилась союзницей в определенный исторический период (например, Англия в антинаполеоновских коалициях). Но гораздо чаще страны Запада продолжали выступать в качестве противников Российского государства уже не по религиозным, а по геополитическим мотивам. Образ врага невозможно однозначно связать с конкретным государством Европы, в каждом отдельном случае разная держава оказывалась по «ту сторону баррикад» – Швеция, Польша, Пруссия, Англия и т. д.

Впоследствии Советский Союз, отрицая преемственность от Российской империи, унаследовал прежнюю антизападную направленность и довел ее до крайности, поэтому государство Советов во внешнеполитической доктрине идеологов коммунизма представлялось крепостью, осажденной со всех сторон воинственными и враждебными капиталистами. Одновременно широкое хождение имел другой стереотип – «представление о Западе как о счастливом богатом мире, где решены (или скоро будут решены) все проблемы» [8, с. 165]. Бытовало мнение о западных странах как лидерах мирового технологического прогресса. Многоликость искомого образа не перекрывала его постоянной составляющей – образа врага, неприятеля, хотя и не придавала ему яркой национальной окраски.

Вторая мировая война была вызвана реальными причинами и противоречиями, что актуализировало оценочный аспект представления о противниках. А. С. и Е. С. Сенявские определяют термин «образ врага» как «представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущие угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия» [11, с. 126].

Таким образом, формирование понятия «образ врага» определяется и конкретными условиями, имеющими место в данное время, и историческим контекстом взаимоотношений с вероятным противником, и существовавшими ранее представлениями о нем, и деятельностью органов пропаганды. Такие же критерии, на наш взгляд, в середине 1941 г. можно отнести к формированию образа союзника в советском обществе.

Образ союзника, как и образ врага, был связан с проблемой восприятия «своих» и «чужих». Но если образ врага предполагает однозначную трактовку противника как «чужого»

(поскольку он угрожает «своим»), то образ союзника совсем не обязательно должен соотноситься со «своими», что логически вытекает из самого определения «союзник» – тот, кто состоит в союзе с кем-то, находится в согласии по какому-то вопросу. Отсюда неполнота дихотомического ряда «свой – чужой», что вынуждает заменять его другим противопоставлением: «мы» – «они» или как вариант «Я» – «другой».

Данное определение подразумевает под образом союзника не друга, а партнера по решению какой-либо проблемы, что не мешает отсутствию сходства по остальным критериям. В социальных и международных отношениях (между двумя и более государствами) «отграничение «Я» от «Другого» является активной и продолжающейся частью формирования «идентичности», что и позволяет, с одной стороны, понять собственную самость, а с другой – выработать модели отношений с союзниками как представителями «других». [7, с. 68].

Исходя из сказанного выше, мы предлагаем следующее определение образа союзника. Это комплекс динамических представлений о социальных субъектах, близких другим субъектам по целеполагающей деятельности в конкретной обстановке, а также по социально-психологическим характеристикам в идеальных условиях; он проявляется в чувственно-эмоциональной и рациональной формах на уровне массового и индивидуального сознания и формируется под влиянием культурно-исторических условий, предыдущего опыта взаимоотношений (выражаемого в виде стереотипов) и деятельности органов пропаганды и агитации.

В зависимости от развития ситуации образ союзника может меняться и в равной степени трансформироваться в образ друга и образ противника. Именно последняя ситуация характерна для советского общества времен Великой Отечественной войны, когда немецкие фашисты в одночасье с нейтрально-союзнических тонов «перекрасились» в откровенно враждебные, а декларируемые противники в лице Англии и США, напротив, стали союзниками. Соответственно, первый образ начал наполняться негативным содержанием, которое ширилось по мере развития военных действий и злодейств на советской территории, а второй образ стал приобретать положительные оттенки. Однако союзники по антигитлеровской коалиции не были «своими» в начале войны и не стали ими по ее окончании, перейдя вновь в категорию потенциальных, а затем и реальных врагов.

ЛИТЕРАТУРА

1. 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М. : «Прогресс-Пайо», 1989. 560 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М. : Изд. центр «Академия», 1998. 429 с.
3. Голубев А. В. Советское общество 1930-х гг. и формирование внешнеполитических стереотипов // Россия и Европа в XIX–XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Голубев. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 86–114.
4. Киселев И. Ю. Образы государств в международных отношениях: механизм трансформации // Полис, 2003. № 3. С. 50–57.
5. Лончинская Л. Я., Лымарев А. Н. Особенности формирования массового сознания в 30–40-е гг. XX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII всерос. науч. конф. 27–28 апр. 2007 г. / гл. ред. В. В. Запарий. В 2 тт. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2007. Т. 2. С. 154–158.
6. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В. А. Колосова. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с.
7. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 335 с.
8. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / под ред. А. В. Голубева. М.: ИРИ РАН, 1998. 334 с.
9. Сенявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Голубев. М. : ИРИ РАН, 1996, С. 75–85.

10. Сенявский А. С. «Запад» как социально-экономическая система в восприятии советского человека в период «холодной войны» / А. С. Сенявский // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления : материалы XX междунар. науч. конф.; СПб., 18–19 дек. 2006 г.: в 3 ч. / под ред. С. Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2006. Ч. 3. С. 99–104.
11. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Взаимовосприятие государств и народов в новейшей истории в контексте конфликтного взаимодействия (методология исследования) // Проблемы российской истории. М. – Магнитогорск : ИРИ РАН; МаГУ, 2006. Вып. VII. С. 109–141.
12. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.
13. Топорков А. Л. Миф: традиция и психология восприятия // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : Фонд Фридриха Науманна, АИРО – XX, 2003. С. 36–57.
14. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

I. O. Koldomasov (Magnitogorsk, Russia)

THE CATEGORY OF "IMAGE" IN THE HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL STUDY (FOR EXAMPLE IMAGES OF THE ENEMY AND THE ALLY)

Abstract. In everyday life, people quite often use the definition of “image”, dissolving its meaning somewhat. In scientific research, specifically - research in the historical and psychological field, this category occupies one of the central places, because it affects the perception of the surrounding reality not only by an individual or a group of people, but also by large social strata, ethnic groups, cultures. The process of perception involves reciprocity, the formation of likes / dislikes in the evaluation of subjects. The special field of knowledge deals with issues of mutual perception - historical imagology, which is closely connected with historical and social psychology and actively contacts ethnology, geopolitics, culturology and other scientific disciplines. The central concepts of imagology are the definitions of “national image” and “national stereotype”, and the object of its research is to analyze the formation of images of “our own” and “alien” in national cultures.

Keywords: image, historical and psychological research, national culture, perception, “own” -“alien”.

REFERENCES

1. 50/50. The experience of the dictionary of new thinking / ed. by M. Ferro and Y. Afanasyev. Moscow, "Progress-Payo", 1989, 560 p.
2. Gachev G. D. National images of the world: a course of lectures, Moscow, Ed. Academy center, 1998, 429 p.
3. Golubev A. V. Soviet society of the 1930s and the formation of foreign policy stereotypes, Russia and Europe in the XIX–XX centuries: problems of mutual perception of the peoples, societies, cultures: collection of scientific works, ed. V. Golubev, Moscow, 1996, pp. 86–114.
4. Kiselev I. Yu. Images of States in international relations: mechanisms of transformation, Polis, 2003, no. 3, pp. 50–57.
5. Lonczynska L. Y., Lymarev A. N. Features of the formation of mass consciousness in 30–40-ies of the XX century , Ural industrial. Bakunin readings: materials of the VIII all-Russia. scientific. Conf. 27–28 APR. 2007: 2 t., Ekaterinburg, 2007, vol.2, pp. 154–158.
6. The world through the eyes of Russians: myths and foreign policy / ed., Moscow, Institute of the public opinion Foundation, 2003, 304 p.
7. Use of the " Other": Images of the East in the formation of European identities. Moscow, New edition, 2004. 335 p.
8. Russia and the West. Formation of foreign policy stereotypes in the consciousness of the Russian society of the first half of the twentieth century, Moscow: IRI ran, 1998. 334 p.
9. Senyavskaya E. S. "the image of the enemy" in the minds of the participants of the First world war, Russia and Europe in the XIX–XX centuries: Problems of mutual perception of peoples, societies, cultures: sat. works / Ed. edited by A. V. Golubev , Moscow, the Iranian Academy of Sciences, 1996, pp. 75–85.
10. Senyavskiy A. S. "The West" as a socio-economic system in the perception of the Soviet person in the period of the cold war, Man in the context of his time: the experience of historical-psychological under-

standing: proceedings of the XX Intern. scientific. Conf.; Saint Petersburg, Dec 18–19. 2006: at 3 a.m. / Under the editorship of S. N. Poltorak, Saint Petersburg, Nestor, 2006, part 3, pp. 99–104.

11. Senyavsky A. S., Senyavsky E. S. The mutual Perception of States and peoples in the modern history in the context of the conflict interaction (research methodology), Problems of Russian history. Moscow - Magnitogorsk, the Iranian Academy of Sciences; the Magician, 2006, vol. VII, pp. 109–141.

12. Soviet encyclopaedic dictionary, Moscow, Soviet encyclopedia, 1981, 1600 p.

13. Toporkov A. L. The Myth: tradition and psychology of perception, Myths and mythology in modern Russia / Under the editorship of K. Eimermacher, F. Bomsdorf, G. Bordugova. Moscow, Friedrich Naumann Foundation, AIRO – XX, 2003, pp. 36–57.

14. Philosophical encyclopaedic dictionary, Moscow, Soviet encyclopedia, 1983, 840 p.

Колдомасов И. О. Категория «образ» в историко-психологическом исследовании (на примере образов врага и союзника) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 36-43.

Koldomasov I. O. The Category of "Image" in the Historical and Psychological Study (for Example Images of the Enemy and the Ally), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 4, pp. 36-43

Сведения об авторе

Колдомасов Илья Олегович - канд. исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; koldomasov@inbox.ru

Author:

Илья О. Koldomasov - Ph.D. in History, associate professor at the Department of World history, Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; koldomasov@inbox.ru
